

ВЪ ДВУХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.

(Воспоминанія 1837—1843 годовъ).

Въ 1837 году поступилъ я на юридическій факультетъ въ императорскій С.-Петербургскій университетъ, переведенный въ томъ году изъ Семеновскаго полка на Васильевскій островъ, въ обширное зданіе бывшихъ 12-ти коллегій, гдѣ помѣщается и по нынѣ.

Согласно желанія покойнаго императора Николая Павловича и стараніями бывшаго въ то время министра народнаго просвѣщенія графа С. С. Уварова, университетъ въ первый же годъ своего обновленія наполнился молодыми людьми многихъ аристократическихъ фамилій ¹⁾.

Вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ носить шитыя золотыя петлицы на воротникахъ мундировъ, вмѣнено было студентамъ въ обязанность ходить постоянно въ треугольныхъ шляпахъ при шпагахъ (безъ темляка) и отдавать честь царской фамиліи и генераламъ, становясь во фронтъ и спустивъ съ плеча шинель, какъ это требовалось отъ офицеровъ.

На первыхъ порахъ отданіе чести не обошлось безъ комичныхъ сценъ и недоразумѣній, такъ, напримѣръ: одинъ студентъ, возвращаясь съ лекціи, несъ подъ мышкой нѣсколько книгъ и тетрадей; встрѣтивъ въ это время генерала, онъ поспѣшилъ сбросить съ плеча шинель, причемъ книги рассыпались, а съ ними вмѣстѣ и шинель упала на тротуаръ. Разсмѣялся генераль, разсмѣялся и студентъ.

Вотъ и другой случай: шли три студента по Адмиралтейской площади, вдругъ нагоняетъ ихъ государь. Ни одинъ изъ молодыхъ людей

¹⁾ Близья: Кочубей, Васильчиковы, Голицыны и другіе.

не отдалъ ему чести, потому что никогда его не видали и не имѣли понятія о различіи формы генераловъ отъ другихъ офицеровъ. Приказавъ остановить сани, Государь подозвалъ къ себѣ виновныхъ и замѣтилъ имъ, что они не исполняютъ высочайшаго повелѣнія отдавать честь генераламъ. Молодые люди оторопѣли, а одинъ изъ нихъ, худой, долговязый нѣмецъ растерянно спросилъ: «А развѣ вы генералъ?» Государь усмѣхнувшись отвѣчалъ, что они скоро узнаютъ кто онъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отправилъ ихъ на адмиралтейскую гауптвахту. Вечеромъ того же дня несчастныхъ юношей потребовали въ Зимній дворецъ, гдѣ сначала накормили отличнымъ обѣдомъ съ виномъ, а затѣмъ дежурный флигель-адъютантъ провелъ ихъ въ кабинетъ императора.—Ну! надѣюсь, что вперёдъ вы меня уже узнаете,—сказалъ государь,—а теперь ступайте домой, но помните, что, ежели я сравнилъ васъ съ офицерами, то и требую отъ васъ того же чинопочитанія. Передайте мои слова своимъ товарищамъ, прощайте!

Вскорѣ послѣ начала лекцій, стали затѣваться, по примѣру нѣмецкихъ студентовъ, такъ называемые коммерши. Очень понятно, что эти сходки не имѣли вовсе того значенія, какъ въ заграничныхъ университетахъ. Это были просто кутежи. Собирались, кто побогаче, гдѣ-нибудь на Крестовскомъ, говорили много вздора, курили непремѣнно кнастеръ, (до головокруженія), а главное, много пили, пили брудершафтъ, хотя никакихъ корпорацій не существовало и, конечно, въ очень веселомъ расположеніи духа возвращались по домамъ. Были попытки, опять изъ подражанія, устроить дуэли, но это какъ-то не привилось, да и самые коммерши скоро прекратились.

Первый годъ моего студенчества провелъ я разсѣянно, лекціи посѣщалъ рѣдко, а больше предавался разнаго рода удовольствіямъ. Многіе изъ студентовъ-аристократовъ часто посѣщали театры, балы, маскарады, и не отказывали себѣ ни въ какихъ развлеченіяхъ, ихъ примѣру слѣдовали и другіе, въ томъ числѣ и я, юноша едва достигшій шестнадцати-лѣтняго возраста. Пользуясь свободой и имѣя достаточныя средства, могъ ли я устоять противъ соблазна веселой жизни и не разыгрывать, подобно другимъ, въ нѣкоторомъ родѣ гвардейскаго офицера.

Вообще подражаніе гвардейцамъ считалось шикомъ, даже платье заказывали у извѣстныхъ военныхъ портныхъ, какъ Гильке, Брунстъ, Мальгинъ и другіе.

Кончилось тѣмъ, что, не надѣясь сдать экзамень, я остался на томъ же курсѣ.

Я сошелся съ однимъ товарищемъ по курсу, сыномъ священника, у котораго велась крупная азартная игра. Увлечшись игрой, я въ одинъ вечеръ проигралъ три тысячи рублей (ассигнаціями). Это обстоятель-

ство отрезвило меня, я бросилъ все, началъ учиться и въ концѣ второго учебнаго года удостоенъ перевода на второй курсъ.

Въ первый ли годъ моего поступленія или на слѣдующій, хорошо не припомню, возникли въ университетѣ безпорядки по поводу назначенія адъюнктомъ по кафедрѣ исторіи магистра Шакѣва.

Этому молодому человѣку покровительствовалъ тогдашній ректоръ И. П. Шульгинъ, не пользовавшійся расположеніемъ студентовъ, тогда какъ профессоръ исторіи М. С. Куторга былъ, напротивъ, ихъ любимцемъ. Послѣдній не благоволилъ къ Шакѣву, и этого было достаточно, чтобы студенты отнеслись къ нему враждебно.

Въ день, назначенный для первой лекціи, аудиторія была переполнена студентами всѣхъ факультетовъ. Едва ректоръ съ Шакѣвымъ переступили порогъ, какъ начался топотъ ногами, раздались свистки и возгласы: «вонъ Шакѣва», «долой второе изданіе Шульгина»; шумъ все возрасталъ, и начинать лекцію не оказалось никакой возможности; пришлось ретироваться.

На другой день пріѣхалъ попечитель округа, князь Довдуковъ-Корсаковъ, человѣкъ довольно тучный и не мастеръ говорить. Увѣщанія его выслушали съ насмѣшливыми улыбками, прорывался даже смѣхъ.

Слѣдующая лекція также не могла состояться: Шакѣва даже не впустили въ аудиторію.

Дѣло принимало серьезный оборотъ. Министръ народнаго просвѣщенія нашелъ нужнымъ принять въ немъ личное участіе. Явившись въ актовый залъ, гдѣ собраны были всѣ студенты, графъ Уваровъ произнесъ грозную рѣчь и объявлялъ, что если такъ будетъ продолжаться, то студенты рискуютъ черезъ десятаго очутиться солдатами. Угроза подействовала, безпорядки прекратились; но отъ этого Шакѣву стало не легче, слушателей кромѣ двухъ-трехъ казенныхъ студентовъ никого на лекціи не являлось. Великимъ постомъ Шакѣвъ принужденъ былъ прекратить свои лекціи и болѣе въ университетъ не показывался. Занятія мои шли довольно успѣшно; но вдругъ новая бѣда, я влюбился! Предметъ моей страсти была замужняя женщина уже не первой молодости, но очень красивая и въ любовныхъ дѣлахъ опытная; студенты въ это время стали входить въ моду, я же былъ молодъ и пылокъ, увлечь меня было легко, и я поддался, а она, затянувши въ свои сѣти и поигравши, какъ кошка съ мышкой, скоро бросила меня, предпочтя блестящаго гусара.

Между тѣмъ наступилъ май мѣсяцъ—время экзаменовъ, я получилъ нѣсколько двоекъ и, разумѣется, не попалъ на третій курсъ.

Говорятъ, что за одной бѣдой всегда бѣжитъ другая, такъ случилось и со мною. На каникулярное время нанялъ я себѣ за Лѣснымъ,

корпусомъ въ деревнѣ Беклешевкѣ дачу, т. е. просто избу, состоящую изъ одной комнаты съ побѣленимъ потолкомъ и оклееную дешевыми обоями. За деревней тянулся рядъ настоящихъ дачъ, въ томъ числѣ дача моего опекуна, у котораго послѣ смерти тетки я выросъ и воспитывался. Я былъ привязанъ къ этому семейству и поселился въ Беклешевкѣ, чтобы жить поближе къ нему.

Черезъ нѣсколько дней по водвореніи моемъ въ деревнѣ, отправляясь утромъ на дачу къ опекуну, увидалъ я на крылечкѣ одного хорошенькаго деревенскаго домика молодую даму. Я былъ отъ природы близорукъ, но очковъ не носилъ, а имѣлъ всегда при себѣ двойной лорнетъ (тогда еще рипсе пез не были въ модѣ), и такъ какъ домъ съ заинтересовавшей меня особой отстоялъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ дороги, то я воспользовался лорнетомъ, чтобы лучше рассмотреть ее. Дама была не дурна собой, мое лорнированіе, повидимому, ей не понравилось, потому что она посмотрѣла на меня какъ-то сердито; я тотчасъ опустил лорнетъ и пошелъ дальше.

Прошло дня два, я уже совершенно забылъ объ этомъ случаѣ, какъ вдругъ приходитъ университетскій сторожъ съ запиской отъ инспектора студентовъ, съ требованіемъ явиться къ нему для объясненій. Ничего не подозрѣвая, отправился я на слѣдующее утро въ городъ. Добрѣйшій нашъ инспекторъ А. И. Фицтумъ фовъ-Экстеть принялъ меня очень любезно, провелъ въ кабинетъ и, притворивъ дверь, спросилъ:

— Что вы тамъ надѣлали, молодой человекъ?

Я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и въ свою очередь спросилъ:—гдѣ? что такое?

— А госпожа Н.

— Что такое, Александръ Ивановичъ? я ничего не понимаю.

— Ну полноте, какъ не понимаете... профессоръ Н. очень оскорбленъ и просилъ взискать съ васъ за столь неприличный поступокъ.

— Смѣю васъ увѣрить, что ничего за собой не знаю,—возразилъ я съ волненіемъ.

Тогда инспекторъ, взявъ меня за руку, сказалъ:

— Послушайте, что я вамъ скажу: молодому человеку весьма естественно увлекаться женщинами; но согласитесь, что забраться въ ночное время на балконъ чужаго дома, да еще къ профессору и заглядывать въ окно на его жену воля ваша дерзко и крайне неприлично.

— Да помиуйте, Александръ Ивановичъ,—воскликнулъ я въ отчаяніи,—этого никогда не было! Если я виноватъ, то только въ томъ, что мимоходомъ посмотрѣлъ въ лорнетъ, вовсе не подозрѣвая, что эта дама супруга профессора Н... остальное напраслина, не знаю откуда взятая.

— Можетъ быть, не спорю; но я не имѣю права не вѣрить профессору, а потому арестую васъ на трое сутокъ.

На этомъ разговоръ кончился.

Когда я высидѣлъ назначенный срокъ, инспекторъ позвалъ меня опять къ себѣ и далъ дружескій совѣтъ не горячиться и не затѣвывать исторію съ Н.

— Повѣрьте, — сказалъ онъ, — все успокоится и забудется; а теперь, — прибавилъ онъ, — я попрошу васъ о другомъ, сбрейте усы, а то сохрани Богъ, увидитъ государь или попечитель, достанется и вамъ и мнѣ.

— Какіе же это усы, Александръ Ивановичъ, это одинъ пушокъ, вотъ если я начну бриться, то дѣйствительно выростутъ усы, — возразилъ я.

— Называйте какъ хотите, но и пушокъ студентамъ запрещается; а если не послушаетесь, то опять попадете подъ арестъ, — сказалъ смѣясь почтеннѣйшій Фицтумъ.

Такимъ образомъ окончилась глупая исторія, въ которой я былъ обвиненъ совершенно напрасно ¹⁾.

Вслѣдъ за этой непріятностью натолкнулся я на болѣе крупную, имѣвшую для меня серьезныя послѣдствія.

Въ одинъ праздничный день, въ саду, принадлежащемъ владѣльцу Беклешевки, было публичное гулянье. Садъ былъ обширный, нѣсколько прудовъ соединялись каналами, и для катанья содержались двѣ или три лодки. Въ этотъ вечеръ играла военная музыка (если не ошибаюсь лейбъ-гвардіи Литовскаго полка), гуляющихъ набралось много, а также желающихъ кататься на лодкахъ, такъ что приходилось ждать очереди.

Жена опекуна моего, а съ нею еще двѣ дамы пріѣхавшія изъ города, отправились также на гулянье, и я сопровождалъ ихъ. Подошли къ большому пруду. Дамы мои изъявили желаніе покататься, я живо спустился къ привязанному у берега плоту и, дожидавшись возвращенія одной лодки, тотчасъ ее занялъ. Вдругъ, откуда ни возмись, явился на плоту жившій тамъ же на одной изъ дачъ профессоръ Н. Г. Устряловъ и повелительнымъ тономъ объявилъ, что ему нужна лодка.

Я извинился самымъ вѣжливымъ образомъ, говоря, что не могу исполнить его требованія, занявши лодку не для себя, а для дамъ, къ тому же ему знакомыхъ.

— Что-за вздоръ, извольте выходить! развѣ вы не знаете кто я? — сказалъ онъ, возвысивъ голосъ.

— Очень хорошо знаю, что вы профессоръ Н. Г. Устряловъ; но повторяю, не могу уступить лодку, — отвѣчалъ я довольно сдержанно.

— А я вамъ говорю, что мнѣ нужна лодка для моихъ гостей, слышите?

¹⁾ Носился потомъ слухъ, что въ этомъ случаѣ я послужилъ только ширмой.

Меня взорвало.

— А, когда так!—воскликнулъ я,— то докажу вамъ, что гости ваши не поѣдутъ!— и вмѣстѣ съ тѣмъ весломъ оттолкнулся отъ берега.

— Дерзкій мальчишка!—закричалъ въ бѣшенствѣ Устряловъ,— ты мнѣ заплатишься за такое нахальство!

Въ это время мои дамы подошли въ страшномъ испугѣ и объявили, что рѣшительно отказываются отъ катанья. Тогда, подплывъ къ плоту, я вышелъ изъ лодки, а Устряловъ все продолжалъ бранить меня и произносить угрозы. На этотъ разъ жалоба была принесена помощнику попечителя, и меня заключили въ карцеръ на двѣ недѣли.

Выпуская меня послѣ этого изъ-подъ ареста, инспекторъ передалъ мнѣ приказаніе—немедленно выѣхать изъ Беклешевки; отъ себя же добрыйшій Александръ Ивановичъ посоветовалъ вовсе оставить университетъ, доказывая, что, вооруживши противъ себя профессоровъ, мнѣ мало надежды на окончаніе курса.

Совѣтъ этотъ я тутъ же исполнялъ, зашелъ въ правленіе университета, написалъ прошеніе и черезъ недѣлю получилъ увольнительное свидѣтельство, дающее мнѣ право на поступленіе въ другой университетъ. Изъ Беклешевки я, конечно, не выѣхалъ, а черезъ мѣсяцъ отправился въ Харьковъ.

Прошеніе, поданное мною ректору Харьковскаго университета, было принято. Ректоръ, разрѣшая мнѣ посѣщеніе лекцій, объявилъ однако, что я окончательно могу быть зачисленъ только черезъ мѣсяцъ, вѣроятно, по наведеніи обо мнѣ справокъ въ Петербургѣ.

Мѣсяцъ этотъ едва не погубилъ меня. Случилось вотъ что:

Пригласилъ меня на купеческую свадьбу познакомившійся со мною студентъ, родственникъ жениха. Какъ, обыкновенно, водилось на купеческихъ свадьбахъ того времени, угощали усердно и много, въ особенности виномъ. Мнѣ, какъ пріѣхавшему изъ столичнаго университета, не хотѣлось ударить лицомъ въ грязь передъ новыми товарищами и отстать отъ нихъ въ выпивкѣ; но, увы! вмѣсто торжества меня почти безъ сознанія отвезли домой.

Присутствовавшій на свадьбѣ одинъ изъ субъ-инспекторовъ довелъ объ этомъ случаѣ до свѣдѣнія начальства, вслѣдствіе чего меня потребовали къ помощнику попечителя, князю Ц.

Князь принялъ меня въ халатѣ и не потрудился даже встать съ кресла при моемъ появленіи. Такая безцеремонность, чтобы не сказать невѣжливость, мнѣ не понравилась, а потому, не долго думая, я взялъ стулъ и сѣлъ противъ него. Несомнѣнно, что поступокъ мой былъ дерзкій и не могъ предвѣщать хорошихъ результатовъ; но развѣ семнадцатилѣтній юноша разсуждаетъ и думаетъ о послѣдствіяхъ. Сильное неудовольствіе выразилось на лицѣ князя, и онъ рѣзко проговорилъ:

— Когда васъ не просать садиться, вы должны стоять.

Я упорно продолжалъ сидѣть. Тогда разсерженный князь всталъ и сказалъ:

— Я хотѣлъ съ вами объясниться насчетъ вчерашняго вашего поведенія на свадьбѣ, но теперь нахожу это излишнимъ, вижу, что вы за птица, получите ваши документы въ правленіи и отправляйтесь куда хотите, здѣсь вы приняты не будете.

Я молча поклонился и вышелъ.

Дѣло выходило скверное. Что теперь дѣлать? Куда ѣхать? Пожалуй и въ другомъ мѣстѣ будетъ то же самое. Брошу все,—подумалъ я,—и поступаю въ полкъ.

Но тутъ судьба надо мною сжалась.

Пріѣхалъ графъ Головкинъ ¹⁾, попечитель Харьковскаго учебнаго округа.

Надо сказать, что съ самаго пріѣзда въ Харьковъ я сошелся и даже подружился съ студентомъ М., по фамиліи онъ былъ итальянецъ, говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ и ни на одномъ правильно, впрочемъ добрый малый, готовый на всякія услуги. Мать его жила чѣмъ-то въ родѣ экономки или *dame de compagnie* у графа Головкина и имѣла на него немалое вліяніе.

Узнавъ о моемъ неблагополучномъ объясненіи съ помощникомъ попечителя, М. взялся переговорить съ матерью, а пока совѣтовалъ обождать и не брать документовъ изъ правленія.

Черезъ нѣсколько дней тревожнаго ожиданія прибѣгаетъ мой пріятель съ радостнымъ извѣстіемъ, что графъ согласился на мой пріемъ въ университетъ, но что мнѣ необходимо къ нему явиться и лично обратиться съ просьбой.

Графъ Головкинъ былъ высокаго роста, маститый старецъ, говорившій плохо по-русски. Онъ вышелъ ко мнѣ въ форменномъ военнаго покроя сюртукѣ министерства народнаго просвѣщенія, и разговоръ велъ стоя.

Изъявивъ сначала сомнѣніе, чтобы я могъ удержаться въ университетѣ, на просьбу мою подвергнуть меня испытанію, однако, согласился, предупредивъ, что за мною будетъ строгій надзоръ и что, при малѣйшемъ проступкѣ, я буду прямо исключенъ.

Инспекторомъ студентовъ былъ въ то время отставной морякъ Тебенъковъ, служившій долго въ бывшей сѣверо-американской компаніи. Хотя суровый на взглядъ, человекъ онъ былъ спокойный и не придирчивый, отчаянный картежникъ; онъ постоянно занятъ былъ игрой, и студенты его видѣли рѣдко.

¹⁾ Если не ошибаюсь, онъ былъ посланникомъ въ Китаѣ.

Еще до его назначенія, по случаю какого-то буйнаго кутежа, студентамъ воспрещено было посѣщеніе трактировъ и другихъ публичныхъ мѣстъ, даже театра. Вслѣдствіе ли моего приключенія на свадьбѣ или иныхъ соображеній, въ одно воскресенье послѣ обѣдни инспекторъ собралъ всѣхъ студентовъ къ себѣ и далъ такого рода наставленіе:

— Господа,—сказалъ онъ,—вамъ запретили ходить въ театръ и въ трактиры,—я не нахожу въ этомъ надобности и разрѣшаю ходить куда угодно; но съ условіемъ, чтобы не было безобразія и пьянства. Кто можетъ выпить ведро и не быть пьянымъ, пей на здоровье, а кто отъ одной рюмки теряетъ рассудокъ, тотъ не долженъ и помышлять о винѣ, надѣюсь, господа, что мы ссориться не будемъ

И дѣйствительно, во все продолженіе его инспекторства не произошло не только скандаловъ, но и какихъ-либо безпорядковъ.

Мѣсяць спустя послѣ меня пріѣхали изъ Петербурга еще два моихъ товарища, братья Башиловы ¹⁾; съ ними переселились въ Харьковъ и родители ихъ. Посредствомъ этого семейства вошелъ я въ такъ называемый аристократическій кругъ города; исторія съ помощникомъ попечителя совершенно забылась, лекціи посѣщалъ я усердно, и профессора были мною довольны.

Ученіе шло своимъ чередомъ, а развлеченія—своимъ. Я участвовалъ на студенческихъ литературно-музыкальныхъ вечерахъ у графа Головкина, бывалъ на балахъ у генераль-губернатора, князя Долгорукова, у извѣстнаго тогда откупщика Кузина и у другихъ; посѣщалъ дворянское собраніе, театръ, маскарады, однимъ словомъ—жилося весело.

Въ 1842 году, императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ Харьковъ и университетъ ²⁾.

Въ первый день своего прибытія въ городъ, государь подѣхалъ прямо къ собору, около котораго толпился народъ, а впереди всѣхъ стояли студенты. Передъ этимъ только-что прошелъ дождь, и было мокро. Когда подкатила коляска, студенты живо сбросили съ себя шинели и разстлали ихъ до самаго входа въ храмъ; государь остался очень доволенъ такимъ вниманіемъ и благодарилъ молодежь. Эпизодъ этотъ имѣлъ несомнѣнное вліяніе на хорошее расположеніе духа императора при посѣщеніи имъ университета на другой день, и ему-то, можетъ быть, я обязанъ, что выходка, которую я себѣ дозволилъ въ это время, не имѣла дурныхъ послѣдствій.

Студенты были собраны въ актовой залѣ; мундиры на всѣхъ были

¹⁾ Родной дядя ихъ былъ извѣстный тогда въ Москвѣ сенаторъ—Александръ Александровичъ Башиловъ.

²⁾ Пребываніе его величества въ Харьковѣ подробно описано въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1844 года № 224.

съ иглочки, лица веселыя и воодушевленные. Еще наканунѣ отданъ былъ строгій приказъ остричь короче волосы и побрить бороды, а кто носить очки, отнюдь ихъ не надѣвать. Такъ какъ я никогда не видалъ вблизи государя, къ которому съ дѣтства питалъ особенное благоговѣніе, то запрещеніе это привело меня въ отчаяніе; я рѣшился нарушить приказаніе и надѣлъ очки въ тотъ моментъ, когда государь входилъ въ залъ.

Сопровождаемый княземъ Долгоруковымъ и помощникомъ попечителя ¹⁾, императоръ подошелъ сначала къ профессорамъ, которыхъ ему представлялъ ректоръ университета. Между ними стоялъ лекторъ нѣмецкаго языка, Метлерикамфъ, съ солдатскимъ Георгіемъ на груди. Николай Павловичъ обратилъ на него вниманіе и спросилъ, гдѣ онъ получилъ этотъ знакъ отличія? Оказалось, что во время польскаго возстанія онъ служилъ юнкеромъ въ какомъ-то уланскомъ полку ²⁾.

Отъ профессоровъ государь прошелъ по рядамъ студентовъ; дошедъ до меня, остановился и своимъ звучнымъ голосомъ спросилъ: «Зачѣмъ очки?» Сильно забилося у меня сердце, но я довольно твердо отвѣчалъ: «Безъ очковъ я не имѣлъ бы счастья лицезрѣть ваше императорское величество!» Государь улыбнулся и, не сказавъ ни слова, пошелъ дальше. На флангѣ стояли мои пріятели Башиловы, одинъ одиннадцати, другой десяти вершковъ роста. Государь опять остановился и, обращаясь къ князю Долгорукову, сказала: «Вотъ молодцы, рождены быть кирасирами».

Слова эти, однако, не осуществились; младшій, не окончивъ курса, отправился на Кавказъ, гдѣ, при нападеніи черкесовъ, былъ ими изрубленъ, а старшій, хорошій музыкантъ и живописецъ-дилеттантъ, по выходѣ изъ университета, предался художеству. Онъ тоже умеръ.

За мою выходку начальство не преминуло бы засадить въ карцеръ, если бы государь, отъѣзжая, не отдалъ приказанія не подвергать меня никакому взысканію.

Приведу необычайный случай, касающійся Башиловыхъ. Въ Харьковѣ пріѣхалъ, для инспектированія гарнизоннаго батальона, командиръ корпуса внутренней стражи, генералъ-отъ-инфантеріи Тришатный. По отводу отъ города назначена ему была квартира въ верхнемъ этажѣ дома купчихи Рыжевой, бель-этажъ котораго занимало семейство Башиловыхъ. На другой день пріѣзда генерала, утромъ, на парадной лѣстницѣ, около входной двери квартиры Башиловыхъ, оказался на

¹⁾ Графъ Головкинъ былъ въ это время за границей.

²⁾ Одинъ студентъ, малый веселый и острый, не упустилъ случая обратиться этотъ разговоръ въ шутку и увѣрялъ всѣхъ, что Метлерикамфъ стѣбчалъ государю, что получилъ Св. Георгія за храбрость преподаванія нѣмецкаго языка,—причемъ артистически подражалъ ему.

площадкѣ ночной стулъ, поставленный по приказанію вновь прѣхавшаго. Возмущенный такимъ неуваженіемъ и грубымъ пренебреженіемъ приличія, отецъ Башиловыхъ приказалъ тотчасъ убрать вещь, столь не соответствующую мѣсту.

Узнавъ объ этомъ, генераль Тришатный прислалъ ординарца съ требованіемъ, чтобы студенты Башиловы немедленно явились къ нему. Старшаго не случилось дома, а потому явился одинъ младшій. Генераль встрѣтилъ его словами:

— Какъ вы смѣли выбросить на дворъ приготовленный для меня стулъ?

— Ваше высокопревосходительство,—отвѣчалъ почтительно Башиловъ,—распоряженіе сдѣлано не нами съ братомъ, а отцомъ нашимъ, онъ знакомъ съ цѣлымъ городомъ и не могъ допустить подобнаго неприличія у своихъ дверей.

— Молчать! я покажу тебѣ, какъ со мною разговаривать, солдатомъ будешь,—закричалъ раскраснѣвшійся отъ гнѣва генераль.

— И солдатомъ всегда останусь настолько благовоспитаннымъ, чтобы не дозволить себѣ невѣжества!—отвѣчалъ съ достоинствомъ Башиловъ.

— Вонъ!—крикнулъ генераль.

Въ это время вошелъ въ комнату почтенный сѣдовласый старикъ, отецъ Башиловыхъ; по его знаку сынъ вышелъ. Боясь за горячность сына, старикъ рѣшился самъ объясниться съ генераль Тришатнымъ; разговоръ кончился тѣмъ, что генераль извинился, увѣряя, что онъ не зналъ о томъ, что студенты живутъ не одни, а съ родителями. Странная логика.

На другой день съ разсвѣтомъ генераль Тришатный выѣхалъ изъ Харькова, а вскорѣ послѣ того его самого постигло несчастье: онъ былъ лишенъ чиновъ, орденовъ и разжалованъ въ рядовые. Sic transit gloria mundi!

Я былъ уже на послѣднемъ курсѣ, трудился усердно, не пропускалъ репетицій, имѣвшихъ въ то время большое значеніе, познавیا мои были на столько тверды, что я могъ надѣяться на себя; но этого было недостаточно.

Въ Харьковскомъ университетѣ въ описываемое время практиковался обычай, по которому всякій студентъ, имѣющій достаточныя средства и желающій достигнуть степени кандидата, поступалъ къ кому-либо изъ профессоровъ въ нахлѣбники или же передъ выпускнымъ экзаменомъ бралъ нѣсколько уроковъ, съ приличнымъ за нихъ вознаграженіемъ. Нахлѣбниковъ принимали по нѣсколько человекъ, иногда по десяти и болѣе. Называть по именамъ такихъ торгашей не стану, изъ уваженія къ ихъ званію и наукѣ, служить которой они были призваны. Считаю, однако, долгомъ оговориться и удостовѣрить, что не

всѣ были таковы, были и свѣтлыя, неподкупныя личности, пользовавшіяся общимъ уваженіемъ и любовію студентовъ. По образу жизни и обстановкѣ я слылъ за человѣка достаточнаго, поэтому отъ меня могли потребовать кромѣ познаній кое-чего посущественнѣе, о чемъ сторонной данъ былъ даже намекъ. Боялся я и князя Ц., продолжавшаго не благоволить ко мнѣ, что доказывалъ на переводныхъ экзаменахъ; послѣ же отъѣзда попечителя, онъ имѣлъ полную возможность вредить мнѣ. Дѣлать нечего, рѣшился прибѣгнуть къ урокамъ.

Но уроки не принесли ожидаемой пользы. Стучилось такъ, что опекунъ мой, хотя и обѣщаль, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ не могъ выслать своевременно деньги, а между тѣмъ начались экзамены, профессора косились на меня и смотрѣли сердито, я же конфузился, сбивался и... кандидатство лопнуло.

Одинъ только профессоръ римскаго права Мицкевичъ, переведенный въ Харьковъ изъ бывшаго Виленскаго университета (братъ поэта), одинъ онъ не покривилъ душой, потому что былъ человѣкъ правды, уроковъ не давалъ и не зналъ лицепріятія. Я усидчиво занимался его предметомъ, всегда успѣшно отвѣчалъ на репетиціяхъ, латинскія цитаты зналъ на славу, а потому, несмотря на неполноту и робость въ отвѣтахъ и на противодѣйствіе помощника попечителя, онъ счелъ справедливымъ поставить мнѣ высокій балъ.

Съ одной стороны досада на неуспѣхъ, а съ другой—негодованіе на профессоровъ возбудили во мнѣ желаніе отмстить имъ, и вотъ что я придумалъ.

Какъ только получены были съ почты деньги, я подалъ въ совѣтъ университета прошеніе, въ которомъ объяснилъ, что въ виду обезпеченія себѣ успѣха на экзаменахъ, я обратился къ такимъ-то профессорамъ съ просьбой помочь мнѣ уроками: такой-то прочелъ одну лекцію, за что потребовалъ 100 руб., такой-то за три лекціи 150 руб., такой-то за пять лекцій 200 руб. и т. д. Приложивъ при прошеніи деньги, я просилъ о выдачѣ мнѣ квитанцій.

Ректоромъ въ это время былъ вновь избранный профессоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Артемовскій-Гулакъ, человѣкъ честный, но гордый, державшій себя аристократомъ и не жаловавшій своихъ коллегъ.

— Вотъ тебѣ разъ! вотъ такъ штука!—произнесъ онъ, прочтя бумагу и дѣлая на ней помѣтку.

На другой день явился ко мнѣ изъ правленія одинъ изъ мелкихъ чиновниковъ съ предложеніемъ отъ имени заинтересованныхъ профессоровъ взять прошеніе назадъ, а также деньги, отъ которыхъ они отказываются.

Я не согласился, и куда были употреблены эти деньги—мнѣ неизвѣстно.

Вѣсть объ этомъ казусѣ быстро распространилась по городу, скандалъ вышелъ полный.

Получивъ затѣмъ аттестатъ на дѣйствительнаго студента, я навсегда расстался съ университетомъ.

По окончаніи курса, я избралъ военное поприще и поступилъ въ кавалерію, гдѣ научился подчиняться дисциплинѣ, а впоследствии лѣта и опытъ жизни заставили смотрѣть на вещи иными глазами и хладнокровнѣе относиться къ требованіямъ, хотя не всегда согласнымъ съ моими убѣжденіями.

Прошло болѣе сорока лѣтъ, я уже старикъ; но и понинѣ съ удовольствіемъ, даже съ увлеченіемъ вспоминаю о беззаботномъ и счастливомъ времени студенчества, тѣмъ болѣе, что, имѣя живой и веселый характеръ, всегда пользовался расположеніемъ товарищей.

И гдѣ вы всѣ, дорогіе товарищи? Мало кого удалось мнѣ встрѣтить изъ нихъ въ этотъ долгій періодъ жизни, всѣ разбрелись по матушкѣ Россіи.

Н. Оже-де-Ранкуръ.

